

## Другой ренессанс (комментарии к одному фрагменту В. В. Библихина)

**Комаров Сергей Владимирович**

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, декан философско-социологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-7358-6151. E-mail: philos.perm@gmail.com

**Аннотация.** В статье анализируется фрагмент из книги В. В. Библихина «Язык философии» (1989). Основной идеей этого фрагмента является утверждение о ренессансном характере России как исторического образования. Ренессансный характер русского бытия раскрывается через три концепта: русскую негативность, метафизику русского народа, существо русского бытия. Во-первых, рассматривается феномен *русской негативности*, который выражается в отрицательном отношении русского человека к собственной конечности как выражению его изначальной греховности. Однако различие установок в отношении своей конечности и целостного Мира у русского человека и европейца означает дифференциацию негативного. Показано, что в отличие от европейца это отношение реализуется не в стремлении к овладению внешним Миром, но в стремлении к внутреннему самопреображению. Это выражается, в отличие от европейцев, в амбивалентном отношении русских к социальным институтам государства и власти. Во-вторых, рассматривается фундаментальная *метафизика русского народа*, которая скрывается за этой негативностью и которая заключается в обожении Мира. Отрицательное отношение русского человека к своей конечности имеет обратной стороной позитивное принятие мира как целостного бытия. Поэтому в отличие от понятия *Machenschaft* («махинации») европейца, которое выражается в эксплуатации всей природы и самого человека как их тотальной негации, положительное принятие Мира как целостного бытия оказывается его (другим) Ренессансом. Метафизика русского бытия связана с реализацией именно идеала бесконечного и целостного бытия, с воплощением в земном существовании небесного бытия. Именно это, в-третьих, определяет само *существо русского существования* (*Russentum*) («русскость»). Ренессансная природа русского бытия заключается в вечном начале присутствия в Мире через преобразование человека. Это выражается парадоксальным образом в русской истории: она представляет собой длящуюся попытку начать историческое существование заново. Ренессанс – это всегда попытка осуществиться в исторической действительности. Наиболее адекватной культурной формой русского ренессанса являются не социальные институты, а поэзия и философия.

**Ключевые слова:** Ренессанс, Россия, негативность, конечность, *Machenschaft*, преобразование, *Russentum*, история.

Die Geschichte der Erde der Zukunft ist aufbehalten im noch nicht zu sich sbefreiten Wesen des Russentums. Die Geschichte der Welt ist aufgetragen der Bessinnung der Deutschen.

M. Heidegger [15, S. 108]<sup>1</sup>

Слова М. Хайдеггера, вынесенные в эпиграф этой статьи и сказанные в 1942 году, удивительно перекликаются с размышлениями В. В. Библихина, написанными в 1989 году. Речь идет о небольшом фрагменте в конце книги русского мыслителя «Язык философии» [1, с. 363–374], в котором ставится заново вопрос об исторической судьбе нашей родины. В 2025 году этот небольшой фрагмент текста звучит удивительно современно и даже пророчески, ибо мы опять, по-видимому, стоим перед своим историческим выбором. Немецкий философ говорит о еще нераскрытой сущности России (*Russentum*); корреспондентно ему русский философ видит смысл русской истории именно в раскрытии этой сущности, в ее постоянном возрождении (*Auferstehung*). В. В. Библихин утверждает, что судьба России – это постоянное начало, возрождение, восстановление, новое начинание ее истории. Не сон, а ренессанс – существо русской истории.

Эти размышления В. В. Библихина, безусловно, отсылают к историческому началу философских размышлений о судьбе России – к «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева [10,

с. 320–441]. В отличие от последнего определение исторической судьбы России у Библихина положительное: Россия – всегда в начале исторического бытия, она есть порыв к историческому существованию. «...Россия... с самого начала была... историческим начинанием». А если это так, то «дело всеобщего восстановления (Auferstehung)... у Европы и России одно» [1, с. 363].

Для В. В. Библихина ренессанс есть ключевой момент русской судьбы и русской истории; это – состояние России. Он «был не просто перенят Россией, а укоренился на почве русского мира» [1, с. 363]. Но что послужило основой такого ренессансного определения России?

Наша цель – понять: 1) как русский философ понимает ренессансную природу России, 2) что за метафизика лежит за этой судьбой и 3) в чем эта метафизика находит свое полное выражение.

**1. Русская Negativität.** Основной оппозицией, определяющей русскую историческую судьбу, является оппозиция России и Европы. С одной стороны, русские по своим географическим, историческим, религиозным основаниям принадлежат европейской цивилизации и культуре, с другой стороны, они сами себя отличают от европейцев. С одной стороны, мы оцениваем себя как одно из племен в цветущем разнообразии Европы, с другой стороны, требуем к себе «особого аршина». Это *амбивалентное* отношение к самим себе является главной загадкой русской истории.

Что послужило русским мыслителям: П. Я. Чаадаеву, славянофилам и западникам XIX века, Ф. И. Тютчеву и Ф. М. Достоевскому, большевикам и евразийцам 20–30-х годов, различными ориентациям в среде советской интеллигенции 50–80-х годов XX столетия<sup>2</sup> – основанием для утверждения этого отличия России от Европы? Нужно заметить, что обычные точки зрения на это отличие грешат поверхностностью суждений: противоположности коллективного и индивидуального начала, подчиненность общественному началу и личное достоинство, общинное бытие и индивидуальная свобода, различие в географических условиях существования, диктующих коллективный и индивидуальный образы жизни как способы существования, различия социальных институтов, и т. п., все вторичны. В отличие от этого В. В. Библихин замечает, что дело тут не столько в недостатке сознания у русских индивидуального начала или чувства личного достоинства (кстати, порождений европейского Ренессанса), сколько в «мудром знании, что никакое самоуправство человека на земле его в конечном счете не устроит» [1, с. 364]. Иначе говоря, проблема тут гораздо глубже: различие заключается в изначально различных установках в отношении к себе и к миру, а именно: в изначально *отрицательном* отношении русского человека к самому себе.

Это в своей основе, безусловно, христианская идея – отрицание своей конечности, которая, однако, может иметь различные оценки и различную практическую реализацию. Скажем, М. К. Мамардашвили усматривает в трезвом сознании европейца признание своей конечности как фундаментальной черты его существования [6, с. 359–360], а В. В. Библихин, напротив, видит в таком сознании отрицание русским человеком конечности и непринятие ее как своей изначальной «греховности». Это одна и та же оценка, но с разными знаками. Один философ видит в этом причину «выпадения из истории», другой мыслитель – «вечное начало» русской истории.

Вопрос заключается в том, как жить с осознанием своей изначальной конечности? Европейец, принимая свою конечность («греховность») как изначальную природу, всю энергию своего отрицания направляет на внешнее овладение Миром. Преодолеть в земной жизни собственную конечность невозможно, но можно создать систему сдержек и противовесов в виде морали, права, полиции, социальных институтов, которые «дополняют» эту конечность за счет власти над Миром, т. е. ставя его на службу человеку [6, с. 366–374]. В отличие от этого русский человек, отрицая свою изначальную конечность («греховность»), направляет всю свою энергию на ее преодоление (начиная от практического преодоления эгоизма, федоровского воскрешения всех мертвых, русского космизма до «умной молитвы» и практики «обожения» в монашеских практиках [9, с. 88–172]). Он воздерживается от овладения Миром и постановки его себе на службу. Этим вообще отличается отношение к Миру русского человека по сравнению с европейцем. Отношение к науке и технике, великое географическое расширение России на Восток и на Север, русский космизм и русский коммунизм, догоняющие модернизации и отношение к любым социальным реформам, и т. д. – всё это лишь внешние

<sup>2</sup> См. блестящую и точную характеристику в этом отношении советской интеллигенции 60–80-х годов, данную Г. П. Щедровицким [11, с. 334–337].

проявления самоустроения в Мире и проявления стремления русского человека к преодолению своей конечной («греховной») природы. *Установка русских на преобразование себя – это стремление соответствовать Миру как всеобщему и целостному (цельному) бытию* [1, с. 364–365].

Таким образом, различие установок в отношении своей конечности и целостного Мира у русского человека и европейца означает *дифференциацию негативного*. Принятие собственной конечности ведет к негации Мира, и, наоборот, признание Мира как высшего бытия зиждется на отрицании собственной конечности.

Это ведет к различным историческим путям проявления этой негативности. Увлечение формальной стороной существования человека вело европейца к *абсолютизации* формы. И если на первых порах европейской истории именно это создавало цивилизационные опоры культуры, то затем, обращенное на культуру, оно привело к формализации культуры и утере ею всякого содержания. Именно это мы и видим в современной постмодернистской культуре, искусстве и философии: выхолащивание всякого человеческого содержания. Это «культура как культ», «искусство для искусства», «философия для самой себя» [5, с. 124–125]. История сделала оборот и привела в конце XX века к своей противоположности: попытка обуздать конечное формальным образом ведет к триумфу самого конечного. Абсолютизация формы привела к формализации Абсолютного, а значит – к его отрицанию, а это чистый нигилизм [12, с. 24].

С другой стороны, стремление русских к преодолению конечного порождает идеализм. Абсолютизация Божественного и Небесного ведет русских к пренебрежению земным бытием, к максимализму и ригоризму, а в итоге к нигилизму в отношении всего земного как конечного и несовершенного. Но история делает оборот и приводит к своей противоположности: попытка построить Царство Божие на земле приводит не только к отрицанию самого Абсолютного как неспособного к земному воплощению, но и к отрицанию самого земного существования как неспособного к воплощению этого идеального бытия. «Тот, кто не выносит в себе человека, потом не выносит и человечества» [6, с. 366]. Это чистое отрицание всего есть триумф нигилизма! В конце XX века противоположности русской и европейской истории сошлись: один исход с разных сторон.

**2. Молчание власти и молчание народа.** Русская негативность находит свое наиболее яркое выражение в амбивалентном отношении к высшим социальным институтам – государству и власти. Для европейского человека государство является высшим воплощением разума, для русского человека – это необходимое зло земного существования. Амбивалентность отношения русских к власти проявляется, с одной стороны, в обожении всякой власти, а с другой стороны, в негативном отношении к ней и ее представителям. Как верно замечает В. В. Библихин, у нас «в общественное устройство... встроена *метафизика*, в том смысле, что для нее в этом устройстве заранее отведено заметное место. Эта встроенная метафизика имеет черту отрицания способности человека устроить на земле своими средствами самого себя. Ее обратная сторона – нигилизм». Иными словами, заранее как бы задано, что европейец может устроить себя сам и на себя надеется, а русский – нет. И это именно благодаря коллективному опыту русской истории: социальное устройство всегда у нас несовершенно, все сикось-накось, хотя и со «смекалкой», да на «авось!» «Правоправность самоустроения... не признается до конца. В той мере, в какой кто-то хочет просто сам устроиться, он сам себя в наших глазах уличает» [1, с. 365].

И тут мы сталкиваемся с иным проявлением негативности в русской истории: отношение к земному институту как к небесному. С одной стороны, пишет русский философ, власть есть средство земного устроения человека, с другой стороны, любые земные преобразования должны соответствовать чаяниям народа. В. В. Библихин пишет: «Власть всегда стояла перед лицом... обязанности истолковать многозначное молчание [русского народа. – С. К.], нависшее над неустроенной землей, – не просто выжидательное и отнюдь не нерешительное, наоборот, скорее, полное решимости, терпеливое, догадливое, умудренное жизненным опытом. Молчаливая обращенность к середине страны, откуда ожидается слово правды, – это почти нечеловеческий вызов, с которым приходится иметь дело тех, в чьих руках оказывается власть» [1, с. 366]. Это молчаливое ожидание оказывается практически невыносимым для любой власти, ибо это ожидание адресовано к ней не как земной, а как небесной, а в таких условиях всякая абсолютная земная власть оказывается неабсолютной.

В отличие от этого суверен Дж. Локка вообще свободен от всяких ожиданий народа; но его абсолютная власть зиждется, в свою очередь, на частной свободе от нее граждан. В России

между властью и народом граница никогда не оговорена. Общественный договор оказывается не договором, а *приговором*. Поэтому, с одной стороны, власть оказывается перед лицом многозначного молчания народа, с другой стороны, и сама власть оказывается тоже молчащей, поскольку ответить на молчание народа можно только собственным молчанием. Дело не в отсутствии институтов коммуникации между властью и народом, а в том, что ожидания народа ко власти обращены к ней не как к земному, а как небесному устроителю земли. Какой может быть общественный договор, земский собор, совет и конституция, когда речь идет о обращении к «небесной» власти?! С Богом не договариваются... Поэтому сами по себе социальные конструкции, которые бы регулировали отношения власти и народа, перед лицом таких отношений (ожиданий) роли не играют.

Поэтому, продолжает русский философ, «власть по самому своему существу не такая вещь, чтобы она могла ответить на этот вызов. Слово власти оказывается у нас поэтому, как правило, заговариванием, отговоркой, оговоркой, оговором» [1, с. 366]. Здесь дана точная констатация отношения русской власти с народом. Поскольку ожидания (требования) ко власти высказаны быть не могут, то и власть отвечает молчанием, ибо не является небесной властью. Или отвечает заговариванием, стараясь скрыть свою земную природу, или отвечает не на тот вопрос, который народ молчаливо перед ней ставит. В этом заговаривании и отговорках скрывается то, что по самому своему существу земная власть не способна ответить на небесные (абсолютные) ожидания русского народа. Ответствует не на то, что является существенным, а на вторичное, внешнее, несущественное, в надежде отвлечь и заговорить народ<sup>3</sup>. При этом, с другой стороны, это заговаривание и отговорки молчаливо принимаются народом, поскольку *понимается* – амбивалентно – действительная, земная природа правителей; власть «дурит» и «зомбирует» народ, который именно этого и ожидает от власти как земного воплощения. Именно это глубинное понимание расхождения небесной и земной властей рождает негативное отношение народа ко власти как таковой: всякая власть от лукавого! Далее, продиктованные активизмом власти ее слова, задуманные в желательном наклонении, часто соскальзывают в наклонение изъявительное. Чем более власть говорит, тем более она ощущает это отрицательное отношение народа. И это приводит к тому, что заговоры и отговорки превращаются в оговорки и оговоры: отрицательное отношение к власти оборачивается негативным отношением власти к народу. «Власть у нас обречена на оговорки и заговаривания именно потому что, как нигде, она нуждается в том, чтобы быть безоговорочной. Только безоговорочная правда власти могла бы ответить терпеливому молчанию земли» [1, с. 366].

Именно земной характер власти делает ее уязвимой перед абсолютными («небесными») ожиданиями народа. Такая диалектика отношений власти и народа пронизывает всю русскую историю: с одной стороны, государство есть объект высшего служения, с другой стороны, оно есть предмет высшего презрения. В частной жизни мы стараемся максимально дистанцироваться от государства, власти и политики, одновременно рассматривая их как высший объект своего служения.

**3. Русская метафизика. Отношение к Миру.** Негативное отношение к высшему земному устроению – государству – выявляет некую *фундаментальную метафизику* русского народа. Суть дела в том, что христианская идея отрицательного отношения к своей конечности оказалась очень близка к русской народной психологии. Это скрытая в глубинах народного духа фундаментальная установка (*Ansicht*) в отношении к Миру как целому<sup>4</sup>. Здесь основа русского мировоззрения, попытке определения которого посвящены многие произведения русских философов – Ф. М. Достоевского, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Г. В. Флоровского и т. д.

Это фундаментальное настроение (*Stimmlichkeit*) обусловлено тем, что Мир понимается и принимается изначально как целое бытия человека и как состояние этого целого. Он одновременно и *данный*, и *заданный*; это то, что непосредственно явлено и при этом выступает задачей человеческого бытия. При невозможности перевести свой идеал в действительность русский человек преобразует действительность в свой идеал! Мы смотрим на то, что есть, че-

<sup>3</sup> Как М. С. Горбачев заговаривал народ разговорами об ускорении, перестройке и гласности, хотя в действительности речь шла о демонтаже всей социальной системы страны.

<sup>4</sup> Это то, что ранний Гегель называет “*Volkstum*”, а чуть позднее “*Volksgeist*” и что связывается с идеалом народа и его религиозным чувством. См. [2, с. 60–64]. В XX веке это стало носить название “*Weltanschauung*”, теряя содержание идеала (настроенности) и превращаясь в представление некоторого нейтрального взгляда на окружающий мир.

рез то, чего нет, и наоборот, на то, чего нет, как на то, что является действительным. Такая установка есть выражение самой сути русской метафизики: негативное отношение к конечному и открытость бесконечному бытию выражается не антиномией (или... или), не механическим синтезом (и то и другое) и не гегелевским «снятием» (одно как выражение другого), а онтологическим признанием одного и другого через их дизъюнктивный синтез – *(н)-есть* [4, с. 150–151]. В этой формуле выражается именно действительный смысл идеала в его преобразующей действительности; в ней выражается отрицательно-положительное эсхатологическое, эстетическое, нравственное устремление русских.

Отрицание самоустроения человека связано с пониманием того, что «человек, устроивший себя на земле, себя не устроит, устроит не себя» [1, с. 367]. Это знание – указывает философ – и сделало ревностным наше отношение к европейскому делу. «Мы вызов тому Ренессансу, каким ему всегда грозит оказаться, – планом чисто человеческого обустройства на земле. Мы, так сказать, для того, чтобы случилось иначе. Наша правда в том, что мир, который все равно никогда не может стать и никогда не станет устройством, на эту метафизику обречен» [1, с. 367]. Смыслом жизни для русского человека становится осуществление этого идеала бесконечного и целостного бытия.

Речь идет опять о тотальном противопоставлении Западу, который рассматривает целое мира как поле экспансии собственной активности. Речь идет о характерной черте Европы, которую М. Хайдеггер именуется «*Machenschaft*». Это тотальная опредмечивающая и овеществляющая деятельность, которая весь мир – всю природу и самого человека – поставляет в наличное присутствие и пользование. Все окружающее рассматривается теперь как предмет преобразующей деятельности человека по его мерке и в соответствии с его потребностями. Все вещи превращаются только в резервуары энергии и вещества, которые можно использовать по субъективному усмотрению. Это тотальная деятельность поставы превращает и самого человека исключительно в предмет его же деятельности; собственные человеческая чувственность и субъективность при этом также превращаются в предмет обмера, обсчета, рассудочного понимания и предметного представления для дальнейшего использования. Такое превращение человека в вещь, существование его по мерке материальных вещей ведет к выхолащиванию всех социальных отношений; любовь, дружба, родственные связи – всё превращается в предмет наличной манипуляции. *Machenschaft* выступает как планетарное явление поставы (*τεχνική*), т. е. превращения бытия в наличную фактичность; это ведет в конечном итоге к полному опустыниванию (*Verwüstung*) всей жизни на земле. „Denn der Erdkreis geht aus den Fugen, gesetzt daß er je solchen war; und die Frage erhebt sich, ob die Planung des neu-zeitlichen Menschen – und sei sie planetarisch – je ein Welt-gefüge zu schaffen vermag“<sup>5</sup> [14, S. 242]<sup>6</sup>.

Это стремление к самоустроению в Мире может рассматриваться как выражение определенных социально-политических процессов; сам немецкий философ рассматривает *Machenschaft* как выражение возникшего в эпоху Возрождения «фаустовского духа» активного преобразования мира. Русские философы вполне бы согласились с этой оценкой, уточнив, что это есть выражение прежде всего европейского духа. В. В. Библихин отмечает, что этот план чисто человеческого обустройства на земле неприемлем для русского человека. Как уже говорилось, за этой экспансией стоит принятие своей конечности как положительного начала европейским человеком. Это возрождение человека, но не мира. Поэтому оценка такого ренессанса у русских философов в конечном итоге всегда носит негативную оценку, потому что они видят в этом выражение обожания и обожение конечного человека, но не обожание и обожение самого Мира!

Безусловно, конечность есть наша фундаментальная черта, но негативное отношение к ней не означает только ее отрицание. Амбивалентность конечности заключается в том, что она служит для «схватывания» и выражения бесконечного мира. Дурная бесконечность связана с тотальным отрицанием конечного. Прорыв к трансцендентному может быть в виде *Machenschaft*, но может быть и в виде открытости конечного бытия бесконечному как его идеальное схватывание в мысли и слове. Это *другой Ренессанс*, суть которого не в овладении миром, а в том, чтобы через конечное существо человека дать слово миру. «Мир не спустится

<sup>5</sup> Heidegger M. *Wegmarken*. 3. durchges. Aufl. Frankfurt am Main, 1996. S. 242.

<sup>6</sup> «Тогда весь круг Земли трещит по швам, если он вообще был скреплен, и встает вопрос о том, способно ли планирование новоевропейского человечества, ставшее планетарным, изменить (пересоздать) само устройство Мира» (перевод автора).

сам с неба. Мира не будет без войны за то, чтобы дать ему слово. Молчание земли, молчание мира просит слова именно как молчание» [1, с. 367], ибо в молчании Земли хранится (aufbewahren) само существо Мира как целого.

Поэтому наше историческое дело не в глобальной организации. «Ключ к миру, – пишет В. В. Библихин, – не у глобальных организаторов» [1, с. 368], а в том, чтобы дать осуществиться миру как как состоянию бытия человека.

**4. Существо Russentum.** В земной жизни воплощение идеального бытия невозможно. Идеал нереализуем, но он является условием земного человеческого бытия, условием практического существования человека. Поэтому в действительности идеал существует не как мысль и не как сущее, но *сбывается* в моменте перехода от идеального к реальному, от мыслительного к практическому бытию. Нельзя абсолютизировать ни благие намерения человека, ни их практическую реализацию: первое ведет к идеализации бесконечного, второе – к идеализации конечного. Но сам практический переход от только идеального к практическому бытию и есть действительность осуществления идеала и самого человека; здесь конечное *становится* воплощением бесконечного. А это и означает постоянное Auferstehung, постоянное возрождение. Это и есть тот другой Ренессанс, о котором все время грезят русские и который все время реализуется в русской истории. Русский человек живет в момент воплощения бесконечного, в событии реализации идеала – ни до, ни после.

Поэтому судьба России – вечный Ренессанс как постоянное земное преобразование человека. Это кажется парадоксальным при взгляде на русскую историю. Действительно, «тысячелетний вросший в нас опыт и невозможности мира и невозможности устроиться без мира принимают за недоразвитость, серость, сырость, темноту» [1, с. 368]. В самом деле, мы можем предъявить мало готового, блестящего, значимого для других народов, важного для экспансионистского развития науки и техники, для овладения миром, существенного для государственного цивилизационного строительства и т. п. Вспомним аргумент П. Я. Чаадаева, что исторический опыт России имеет, кажется, отрицательное значение; и М. К. Мамардашвили прав в оценке изначального идеализма русских. «В нашем надрыве от нашей неустроенности целое [Мира. – С. К.] <...> присутствует своим кричащим отсутствием» [1, с. 368].

В чем же тогда выражается ренессансная природа русского бытия? Она выражается в *вечном начале* присутствия в Мире через преобразование человека. Мир вовсе не поле активности человека, его Machenschaft; Мир есть такое условие человеческого существования, открытие которому возможно только через преобразование последнего. Отрицательное отношение к своей конечности есть открытость (Offenbarkeit) Миру. «Присутствие отсутствия мира – вовсе не ничто и не пустота... Она пустота, но не для всего; она пустота мира, готовая впустить в себя только его» [1, с. 368]. Открытость Миру – значит возможность прислушаться к его речи; эта речь есть молчание земли, ибо ее неслышно, когда человек занимается глобальным планетарным переустройством. Молчание земли можно услышать, только преобразовав себя, только откинув все конечное, эгоистичное, себялюбивое, а это и означает преобразование человека. Отрицание конечного означает интенцию на вслушивание в голос Мира как целого, только это дает «возможность вслушаться в молчание, которым молчит земля» [1, с. 370].

Это настроение (интенция) есть важнейшая сторона русского бытия и мышления; русские, как очарованные странники, вслушиваются в голос земли, вглядываются в целое Мира. Это скрытое в глубинах народного духа настроение (Stimmlichkeit) пронизывает весь исторический опыт русского народа. Раз за разом – индивидуально и коллективно (соборно) – снова и снова совершаются попытки схватить гармонию Мира. «Народ не слеп, он ослеплен блеском мира, который невиден», – говорит наш философ [1, с. 369].

Такая постоянная попытка вслушивания в голос Мира и молчание земли, в котором хранится (aufbewahren) гармония бытия, и составляют историческую судьбу русского народа (Seinsgeschichte). Тут культура и образование не имеют никакой силы. «Народ у нас тысячелетие приобщен к трагедии человеческой истории через войны, через голодное вымирание, через напряжение физических и нервных сил, приобщен так, как искусство и культура, даже мировое искусство и культура для себя еще только могут мечтать» [1, с. 369], потому что в высших достижениях русской культуры и искусства, в достижениях технической мысли, в великих покорениях пространства и времени, в победоносных битвах и полете в космос выступает не европейское Wille zur Macht, но именно настроение поиска гармонии бытия. Это есть наш способ вхождения в историю: в распрях, расколе, голоде, войнах и революциях, ГУЛАГе и разорениях, в неудачах и исторических катастрофах проявляется стремление к целостному (всеобщему) бытию, отклик на Зов бытия.

Поэтому, пишет философ, наш народ, с самого начала не бывший этносом (а значит, не имевший и национальной идеи), собирался вокруг этой исторической миссии и нес на своем горбу тысячелетнюю ношу великой государственности, связанную с этой идеей преображения конечного и гармонии мира. Русская идея в нашей истории выступала в разных обликах: соборности, всеединства народа, христианской идеи, панславянства, коммунизма, «Царства Божия на земле» и т. д. Но так или иначе она выступала всегда как идея преодоления конечности человека и гармонии Мира. Это хранится в генетическом коде русской культуры и истории<sup>7</sup>.

В этом смысле существо *Russentum* заключается ренессансной природе – в новом начинании (*Auferstehung*) мира заново, в начале самой истории мира. «При всех наших срывах мы принадлежим Ренессансу как историческому начинанию, делу восстановления мира. Попытки исключить нас из Возрождения делают нас не в большей, а меньшей степени самими собой. ...Дело восстановления всего – дело мира. Оно историческая задача. Та же самая, а не другая задача – наша страна в правде ее замысла» [1, с. 369–370].

Дело, следовательно, не в самой русской идее (идеале), а в самой *попытке ее реализации*. Это всегда начало истории и событие исполнения человека перед лицом Мира. Это наша судьба (*Geschick*) не примиряет жертв с палачами, а власти с народом; но она делает возможной Россию как историческую державу, ее восстановление и осуществление в мировой истории.

**5. Обретение собственной формы.** Ренессанс – это всегда попытка проснуться, войти в явь бытия, осуществиться в исторической действительности. Однако почему попытки войти в историю раз за разом оборачиваются провалом? Почему русская история, казалось бы, движется по кругу?

Здесь необходимо изменить перспективу анализа, чтобы соответствовать предмету анализа. Нужна *иная установка оценки* русской истории, адекватной русской метафизике, чтобы видеть в событиях русской истории не «истеричку идеальности» (М. К. Мамардашвили), а историческое а priori русского характера и паттерн русской истории.

Ренессанс – это не промежуточное или подготовительное начало истории, это *постоянное* усилие быть. Это попытка выхода из хаоса к порядку, даже если в дальнейшем этот порядок снова сменится хаосом. Нельзя обожествлять культурные формы человеческой цивилизации (нормы морали, право, формы общежития, социальные институты), но любая культурная форма в своем генезисе есть выражение энтелехии народа. Поэтому реализация культурной формы всегда оказывается противоречивым процессом, и необходимо различать как энтелехию исторического события и ее эмпирическое проявление в истории.

Какая культурная форма оказывается наиболее адекватной русской метафизике? Такой формой, по мнению В. В. Библихина, являются мысль и слово, философия и поэзия. В этих культурных формах существо русского отношения к миру высказывается в полной мере. Иначе говоря, ни инженерия и социальные проекты, ни формы социального общежития, право и государственное устройство не являются такими формами русского существования, потому что эти культурные формы в своем эмпирическом выражении, во-первых, не обладают русской спецификой, а во-вторых, они легко трансформируются в средства глобальной организации Мира. Только слово и мысль хранят обращение к Миру как целому (это касается любого языка при условии, что он не подвергнут редукции *Machenschaft*). А то, что пока молчит и скрыто, то должно обрести возможность быть сказанным.

В. В. Библихин говорит: слушать умеет не каждый народ. Для этого важна именно внутренняя установка на целостное бытие. Такая внутренняя установка была у греков. Полнота бытия открывалась им непосредственно. Эллины стояли лицом к лицу с бытием. И это бытие грекам раскрывалось в каждой вещи как единство Неба и Земли. В дальнейшем среди европейских народов в наибольшей степени немцы выступили как наследники и хранители античной культуры. Такова общая установка всех немецких философов от Гегеля до Хайдеггера [3, с. 72–73; 7, с. 381–390; 8, с. 220–221]. Именно немецкий язык в силу своей синтаксической и семантической особенности в наибольшей степени позволяет выразить бытие, правда, теперь – после стольких лет забвения бытия – только как идею. В этом смысле Хайдеггер и говорит о Небе как о немецкой родине [13, S. 31]. Поэтому основной установкой германского духа является неизбывный символизм и романтизм как стремление к идеальному. Однако аб-

<sup>7</sup> Как показывает СВО, пробуждение этого давно, казалось бы, утерянного русскими людьми исторического чувства. Они вновь начинают ощущать себя не отдельными индивидами, а единым народом с единой исторической судьбой.

солютизация формы и *Machenschaft* приводят к коррозии немецкого духа [8, с. 125]. Русское существование направлено на мир как целостное и всеобщее бытие, которое, однако, должно быть реализовано на земле. То, что это невозможно, не отменяет того, что мы принуждены это делать раз за разом, ибо только в этом событии-сбывании открывается полнота бытия и небесное существует не как идеальное (грезы романтизма), но как действенный фактор земного существования человека. Можно сказать, что единство немецкого Неба и русской Земли хранят (*aufbewahren*) и открывают (*erschließen*) целостное бытие греков, поскольку “*die Geschichte selbst ist hier je einig die des Seyns, und zwar die Wesung seiner Wahrheit, in der Erde und Welt in den Streit als ihren Ursprung sich finden*” [15, S. 108]<sup>8</sup>.

«Мыслитель и поэт чувствуют слово: слово на этом просторе звучит; пространство такое, что слово в нем слышно. То, что такое пространство есть, – событие мировой истории, событие истории мира» [1, с. 370]. Поэтому мы всегда стоим перед историческим шансом, ибо нет никакой гарантии, что все будет длиться дальше, как оно длилось до сих пор. Каждый момент времени есть условие нового возрождения.

Мир говорит языком поэзии и философии. «Мир не такая вещь, чтобы его можно было устроить [хотя бы помощи слов – символически, логически или образно. – С. К.]. Миру надо уступить. Надо дать ему слово. ...Слово звучит по-настоящему только тогда, когда мы его не берем, а отпускаем» [1, с. 371]. Мы всегда в мире, но не всегда ему открыты. Пока человек говорит, мир молчит; он начинает говорить только в нашем молчании. Но всякий раз человеческая речь обусловлена Миром; в этом смысле – он есть начало нашей мысли. Но только когда мы по-настоящему открываемся (*werden sich*) к Миру, слово начинает в полном смысле звучать, потому что в этом случае оно выражает не нас, а сам Мир. И оно вдвойне начинает наполняться смыслом, когда мы обращаемся (*ansprechen*) к Миру. Первое и последнее слово всегда будет за Миром, поскольку, говорит философ, «мы ведь остаемся в нем и тогда, когда его не видим, и когда его в нас нет, и когда мы от него отвернулись» [1, с. 371–372].

Это значит, что в действительности мы всегда в самом начале. Ренессанс – это другое начало (*der andere Anfang*) человеческой жизни вообще. И это начало русского бытия и русской истории. Но мы говорим и мыслим на русском языке. Поэтому задача – вслушаться в нашу философию и в нашу поэзию, чтобы раскрыть в ней не национальную особенность, а всеобщее: подлинную событийность и историчность человеческого существования вообще. Вслушиваясь в язык и вглядываясь в бытие, мы открываем не только особенность русской метафизики, но метафизики вообще, хотя и высказанной по-русски. «Нашей мысли пора быть настолько нашей, чтобы быть мыслью просто. Нашему языку пора уже давно быть языком не русской философии, не философии в России, а философии просто» [1, с. 373].

Такая задача – говорить своим голосом и мыслить от первого лица по-русски – по-прежнему стоит перед нами, хотя со времен этого обращения прошло более тридцати лет. Это обретение собственной формы слова и мысли нам необходимо, чтобы прервать дурную традицию противопоставления себя Европе и подчеркивания своей особенности. *Наша особенность и есть по-русски высказанное европейское дело: ренессансное начало Мира.*

### Список литературы

1. Биbihин В. В. Язык философии. СПб. : Наука, 2007. 389 с.
2. Гайм Р. Гегель и его время. СПб. : Наука, 2006. 392 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.
4. Калитин П. В. Уравнение русской идеи (по-святоотечески новая и оригинальная система «мысли-поступка-социума» русских ученых монахов второй половины XVIII – начала XIX веков). М. : Едиториал УРСС, 2002. 278 с.
5. Комаров С. В. Странные объекты Art & Science // Технологос. 2019. № 4. С. 114–127.
6. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М. : Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
7. Хайдеггер М. Гегель и греки // Хайдеггер М. Гегель и греки. М. : Республика, 1993. С. 381–390.
8. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А. Б. Григорьева ; науч. ред. перевода М. Маяцкий. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
9. Хоружий С. С. Феноменология аскезы. М. : Изд-во гуманит. лит., 1998. 352 с.
10. Чаадаев П. Я. Философические письма (1829–1830) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М. : Наука, 1991. 800 с.

<sup>8</sup> «Здесь сама История раскрывается как Бытие, и, поскольку сущность его истины заключается в Земле и Небе, в их споре находится ее Исток» (перевод автора).

11. Г. П. Щедровицкий. Заметки об общественно-политических настроениях 60-х и 80-х годов // Табачникова С. В. Московский методологический кружок (1954–1989): мышление и деятельность / авториз. пер. с фр. А. В. Русакова]. М. : Политическая энциклопедия : Институт развития им. Г. П. Щедровицкого, 2023. С. 334–337.
12. Эснозито К. Современный нигилизм. М. : РИПОЛ классик, 2022. 237 с.
13. Heidegger M. Der Ursprung der Kunstwerkes (1935/36) // Heidegger M. Holzwege. Gesantausgabe, Bd. 5. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2003. S. 380.
14. Heidegger M. Wegmarken.3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main, 1996. S. 346.
15. Heidegger M. Die Geschichte des Syens. Gesantausgabe, Bd. 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2012. S. 229.

## Another Renaissance (comments on one fragment by V. V. Bibikhin)

**Komarov Sergey Vladimirovich**

Doctor of Philosophy, associate professor, professor of the Department of Philosophy,  
dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University.  
Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-7358-6151. E-mail: philos.perm@gmail.com

**Abstract.** The article analyzes a small fragment from the book by V. V. Bibikhin "The Language of Philosophy" (1989). The main idea of this fragment is the assertion about the Renaissance character of Russia as a historical entity. The Renaissance character of Russian existence is revealed through three concepts – Russian negativity, the metaphysics of the Russian people, the essence of Russian existence. Firstly, the phenomenon of Russian negativity is considered, which is expressed in the negative attitude of a Russian person to his own finitude as an expression of his original sinfulness. However, the difference in attitudes towards his finitude and the integral World of a Russian person and a European mean the differentiation of the negative. It is shown that, unlike a European, this attitude is realized in the desire to master the external World, but in the desire for internal self-transformation. This is expressed, in contrast to the Europeans, in the ambivalent attitude of Russians to the social institutions of the state and power. Secondly, the fundamental metaphysics of the Russian people, which is hidden behind this negativity, is considered. It lies in the deification of the World. The negative attitude of man to his finitude has the reverse side of a positive acceptance of the world as a holistic being. Therefore, in contrast to the Machenschaft of the European, which is expressed in the exploitation of all nature and man himself as their total negation, the positive acceptance of the World as a holistic being turns out to be his (other) Renaissance. The metaphysics of Russian existence is connected with the realization of the ideal of infinite and integral existence, in the embodiment of heavenly existence in earthly existence. This, thirdly, determines the very essence of Russian existence (Russentum). The Renaissance nature of Russian existence consists in the eternal beginning of presence in the World through the transformation of man. This is expressed paradoxically in Russian history: it is a continuing attempt to begin historical existence anew. Renaissance is always an attempt to be realized in historical reality. The most adequate cultural form of the Russian Renaissance is not social institutions, but poetry and philosophy.

**Keywords:** Renaissance, Russia, negativity, finitude, Machenschaft, transfiguration, Russentum, history.

### References

1. Bibihin V. V. *Yazyk filosofii* [The language of philosophy]. SPb., Nauka (Science), 2007. 389 p.
2. Gajm R. *Gegel' i ego vremya* [Hegel and his time] / transl. from German by P. L. Solyannikov. SPb., Nauka (Science), 2006. 392 p.
3. *Gegel' G. W. F. Enciklopediya filosofskih nauk. T. 3. Filosofija duha* [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 3: Philosophy of spirit]. M., Mysl' (Thought), 1977. 471 p.
4. Kalitin P. V. *Uravnenie russkoj idei (po-svjatootecheski novaya i original'naya sistema "mysli-postupka-sociuma" russkih uchenyh monahov vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX vekov)* [The equation of the Russian idea (according to the Holy Fathers: a new and original system of "thought-action-society" of Russian monk scholars of the second half of the 18th – early 19th centuries)]. M., Editorial URSS, 2002. 278 p.
5. Komarov S. V. *Strannje ob'ekty Art & Science* [The "strange" objects of Art&Science] // *Tehnologos – Technologos*. 2019. No. 4. Pp. 114–127. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.4.09.
6. Mamardashvili M. K. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking]. M., Moscow School of Political Research, 2000. 416 p.
7. Heidegger M. *Gegel' i greki* [Hegel and the Greeks]. M., Respublika (Res Publica), 1993. Pp. 381–390.
8. Heidegger M. *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (The Black Notebooks 1938–1939)] / transl. from German by A. B. Grigoriev; scient. ed. of transl. M. Mayatsky. M., Gaidar Institute Publishing House, 2018. 528 p.

9. Horuzhiy S. S. *Fenomenologiya askezy* [Phenomenology of asceticism]. M., Humanitarian Literature Publishing House, 1998. 352 p.

10. Chaadaev P. Ya. *Filosoficheskie pis'ma (1829–1830)* [Philosophical letters (1829–1830)] // *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma. T. 1* – Complete works and selected letters. Vol. 1. M., Nauka (Science), 1991. 800 p.

11. Shchedrovitskiy G. P. *Zametki ob obshchestvenno-politicheskikh nastroyeniyaх 60-h i 80-h godov* [Notes on socio-political sentiments of the 1960s and 1980s] // *Tabachnikova S. V. Moskovskiy metodologicheskiy kruzhok (1954–1989): Myshlenie i deyatel'nost'* – Tabachnikova, S. V. The Moscow methodological circle (1954–1989): Thinking and activity / transl. from French by A. V. Rusakov. M., Political Encyclopedia, NSF G. P. Shchedrovitsky Development Institute, 2023. Pp. 334–337.

12. Esposito K. *Sovremennyy nihilizm* [Contemporary nihilism]. M., RIPOL Classic, 2022. 237 p.

13. Heidegger M. *Der Ursprung der Kunstwerkes (1935/36)* // Heidegger M. *Holzwege. Gesantausgabe*, Bd. 5. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2003. S. 380.

14. Heidegger M. *Wegmarken*. 3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main, 1996. S. 346.

15. Heidegger M. *Die Geschichte des Syens*. Gesantausgabe, Bd. 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2012. S. 229.

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 18.11.2025